

Интерактивный фон обозначения ситуации общения в семантической организации диалога

В. В. ХВАСТОВА

(Военный университет Министерства обороны РФ, г. Москва)*

Статья освещает один из актуальных вопросов современной лингвистики — устойчивые когнитивные структуры семантики дискурса, в частности возможности интерпретации семантической организации диалогического дискурса в свете интерактивного подхода. Исследуются когнитивные структуры, которые в речевом общении побуждают коммуниканта к приданию дискурсу того или иного структурно-семантического свойства.

Ключевые слова: речевая ситуация, диалогический дискурс, коммуникант, сигнификат, вербализация, референция, высказывание.

Interactive context of denotation of verbal interaction in semantic organization of the dialogue

V. V. KHVASTOVA

(MILITARY UNIVERSITY DEPARTMENT OF DEFENSE)

The article touches upon one of the most actual problems of linguistics — the problem of the stable cognitive structures of discourse semantics, particularly of discourse semantic organization interpretation by means of interactive approach. Studying the cognitive structures which in course of verbal interaction induce the communicator to give the discourse this or that semantically structural character.

Keywords: verbal situation, dialogical discourse, communicator, significatum, verbalization, reference, utterance.

В последнее время становится все более ясным, что синтактика и семантика как традиционные области лингвистики, связанные с изучением межзнаковых отношений и отношений между знаками и обозначаемыми ими предметами и явлениями действительности, оказываются недостаточными для объяснения многих явлений, традиционно не включавшихся в собственно языковую систему, но играющих важнейшую роль в актуализации языкового значения. К таким явлениям относятся *различные параметры речевой ситуации*, в условиях которой осуществляется высказывание, или контекст. Эти параметры влияют не только на характер поверхностной структуры высказывания, задавая определенные правила выбора той или иной языковой формы — на пропозициональном уровне даже условия истинности предложений могут в общем случае зависеть от этих параметров, образующих невербаль-

ный контекст высказывания (Bennett, 1978; Sgall, 1980; Perry, 1993; Кравченко, 2004).

Пример 1:

— Давай назовем его Гришка, в честь Распутина.

— Сколько раз я тебе говорил: подопытным животным имена давать нельзя, только номера. И при чем здесь мистический мужик Ее Величества? Не он один в мире зовется Григорием. Мендель, основоположник генетики, тоже был Григорием.

— Тем более! Я буду звать его Гришка Третий!

— Не смей! *При мне, во всяком случае!* (Дашкова, 2007: 9)

Здесь имеет место вербальное обозначение элемента ситуации общения, которое можно сформулировать как «присутствие некоторого лица»; это условие оказывается релевантным для построения диалога. В данном случае обозначение этого условия слу-

* Хвастова Валерия Владимировна — преподаватель кафедры английского языка Военного университета Министерства обороны РФ. Эл. адрес: valeriya-x@rambler.ru

жит средством побуждения к ограничению речевой инициативы, к отказу от одной из тематических возможностей развития диалога «при мне не смей (говорить это)».

Пример 2:

— Папа! Иди сюда, смотри, Нолик нашел твой драгоценный портфель!

— Не кричи, я отлично слышу. *Я тут, рядом* (Дашкова, 2007: 15).

В этом фрагменте диалога имеется обозначение пространственной характеристики общения — дистанции, на которой находится говорящий от реципиента. Данный тип обозначения элемента ситуации общения служит средством побуждения партнера к адекватному выбору параязыковых параметров речевой деятельности (громкость голоса).

Каждый дискурс обладает значением. Вслед за А. Н. Леонтьевым и другими исследователями под значением мы понимаем элемент социального опыта, закрепленный за знаком; это форма существования значения в индивидуальной психике, всегда опосредованная системой отношений индивида к действительности (Леонтьев, 1999: 139 и след.). Смысл высказывания — это некоторая организованная совокупность индивидуально-деятельностных, личностных, в том числе ситуативно определенных эквивалентов значений, и одновременно их целостность, формирующаяся в языковом сознании коммуниканта в связи с высказыванием как материально-знаковой системой. Как это следует из принятого определения смысла, онтологически он формируется в сознании, в живой коммуникативной деятельности отправителя и адресата сообщения, но не в самом высказывании как материальном (акустическом или графическом) образовании.

В связи с этим требует прояснения вопрос о том, как истолковать утверждение, что высказывание обладает смыслом. У высказывания есть смысл, но он содержится, точнее говоря, образуется, вне высказывания — в деятельности говорящего и в деятельности слушающего, осуществляемой в связи с высказыванием. В этом отношении интересно привести мнение В. фон Гумбольдта, отме-

чавшего, что язык «хранит для нашего духа дремлющие мысли, которые можно пробудить» (Гумбольдт, 1984: 83). Вместе с тем в самом высказывании как знаковом (акустическом или графическом) образовании содержится знаковый коррелят смысла. Этот знаковый коррелят смысла можно определить как сопряженную предметно-знаковую модель-программу развертывания смысла (Сидоров, 2007: 155).

При формировании семантики диалогического высказывания говорящий исходит из некоторого общего знания об условиях ситуации общения («при мне не смей»; «не кричи, я тут, рядом»; «свидание чисто деловое, но я перенесу его, если...»). Содержанию общего знания о вербализуемых условиях ситуации общения можно давать характеристику с различных точек зрения. Прежде всего, следует отметить, что знание о вербализуемых условиях ситуации общения — это не только знание типичного протекания коммуникативных и некоммуникативных действий и их расчлененности в операциях, оно включает также знание условий действия. Если условия действия имеют предметный характер, то они отражаются в знании предметов. Знание социальных ситуаций — это знание социальных условий действия, оно представляет собой социологическое и социально-психологическое быденное знание. В нем отражены как типы взаимодействующих партнеров и соответствующих типичных образов действия, мышления и речи, так и типы отношений между ними. К нему же относится и знание о типичных коммуникативных целях, мотивах, предметах, стратегиях и формах. Общее знание правил вербализации условий ситуации общения содержит ответы на вопросы, кто, как, когда, в каких обстоятельствах, с кем и какое мыслительное действие обычно вербализует.

В общем знании о вербализуемых условиях ситуации общения зафиксировано не только содержание действий. Как отмечает К. Менг, говоря о правилах вообще, обобщению подлежат и типичные формы их про-

явления, те их воспринимаемые признаки, которые с высокой надежностью могут быть использованы как ключевые раздражители или индикаторы для категоризации и дополнения характеристик восприятия. В противном случае знание неприменимо при совершении действия (Менг, 1983: 223).

Таким образом, мы приблизились к осознанию функций общего знания вербализуемых условий ситуации общения, основанном на том, что знание элементов ситуации является, во-первых, обобщением, во-вторых, коллективной собственностью. Поэтому знания правил вербализации элементов ситуации общения могут служить сравнительной инстанцией, образцом или схемой интерпретации, основой или пресуппозицией речевых действий. Знания правил вербализации элементов (условий) ситуации позволяют делать прогнозы и предположения относительно будущих коммуникативных актов. Поскольку в знаниях правил вербализации элементов ситуации общения успехи и неудачи связаны с условиями их возникновения, они могут рассматриваться как контрольная инстанция для будущих речевых действий, как образец, правило или норма коммуникативного действия (высказывания).

Обладание общим знанием о вербализации элементов ситуации общения относится как к индивидуальным предпосылкам осуществления коммуникации и межличностного взаимодействия, так и к коммуникативному умению как системе способностей, знаний, навыков и привычек, которая является основой для осуществления коммуникативных действий в диалоге.

Коммуникативным деятельности и действиям как процессам соответствуют на уровне языкового выражения тексты и предложения (диалоговые партии, реплики) как результаты порождения и как исходные условия рецепции (Менг, 1983).

В связи с этим обстоятельством можно высказать несколько парадоксальную мысль: семантика отдельного высказывания диалога только отчасти обусловлена содержанием коммуникативного намерения гово-

рящего; в определенной мере она также и предопределена отчасти заданной, отчасти формируемой общей областью референции диалога, и в частности той его частью, которая привязывает диалог к ситуации, обозначая релевантную для данного диалога сторону ситуации.

Заметим попутно, что под действительностью, с которой говорящий соотносит свое речевое поведение, обычно принято понимать референты, референциальную ситуацию. Поэтому семантика отдельного высказывания диалога оказывается связанной с семантикой других высказываний. Так формируется семантическое единство диалога.

Природу семантического единства диалога можно истолковывать как содержание текста, под которым А. И. Новиков предлагал понимать «тот семантический комплекс, который возникает в мышлении автора в соответствии с замыслом, целями, условиями коммуникации и понимается адресатом в результате декодирования языковых выражений, посредством которых он был задан в тексте. Он состоит из совокупности денотатов, отражающих иерархию тем и субтем. В мышлении он представляет собой единое целостное образование, поскольку базируется на системе предметных отношений, сформированных в интеллекте человека в его предшествующем опыте, и новых отношениях, заданных текстом» (Новиков, 1983: 110).

Заметим, что реплики — составные части рассматриваемого диалога по отношению к коммуникативной деятельности участников представляют собой одновременно знаковые продукты деятельности говорящего — заместитель деятельности и знаковые программы деятельности слушающего. Как отмечал М. М. Бахтин, актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам. Смысл существует «только для другого смысла», т. е. существует только вместе с ним (Бахтин, 1986: 370). «Речь, производимая коммуникантами, — отмечает Е. Ф. Тарасов, — служит прежде всего для взаимного регулирования их внешнего и

внутреннего поведения — эта главная и исходная цель общающихся людей, все остальные мыслимые цели являются производными» (Тарасов, 2005 : 33).

В силу единичности объективной организации диалогического дискурса, включая его семантическую систему, и одновременно совместной двойственности смысла (по М. М. Бахтину), принцип семантической организации диалогического дискурса состоит в синтезе смыслов предполагаемого реципиента и говорящего в их языковом сознании, в их коммуникативной деятельности в связи репликами диалога. Смысловая организация диалогического дискурса — это определенная устроенность самого дискурса как материально-знаковой системы, соотношенная с синтезом смыслов у предполагаемого реципиента и отправителя реплик диалога.

Думается, что знаковое замещение в диалоге деятельностных образов действительности (условий ситуации) коммуникантами, синтез семантики предполагаемого реципиента и семантики говорящего представляет собой существенный содержательный аспект организации диалогического дискурса как коммуникативной знаковой системы. Данный аспект организации диалога может быть расценен как наиболее существенный в том случае, когда сам процесс диалогического общения мы рассматриваем как интеракцию, взаимодействие партнеров. Если же рассматривать речевое общение более узко, например как обмен мыслями (или информацией), принципиально не ориентирующийся на деятельность других, то в качестве наиболее существенного аспекта организации диалогического дискурса оценивается его информативность, которой и мотивируется организация диалога во всех прочих аспектах.

Схожим образом при интерактивной интерпретации сущности диалога переоценке подвергаются и другие его свойства.

Известно, что диалогический дискурс характеризуется определенной структурной (синтаксической) организацией, определенной интонационной оформленностью реплик, референциальностью (денотативной со-

отнесенностью), пропозицией, актуальным членением, модальностью и другими свойствами. Полагаем, что указанные свойства представляют собой частные формы общей интерактивной определенности диалогического дискурса.

Природу свойств диалогического дискурса предпочтительно понимать функционально. Диалогический дискурс выстраивается в коммуникации не для того, чтобы актуализировать синтаксическую схему. Но диалогическому дискурсу придается определенная синтаксическая схема для того, чтобы реципиент диалогической реплики, владеющий набором синтаксических схем, мог сформировать в своей коммуникативной деятельности смысл, скоординированный со смыслом, замещенным данным высказыванием со стороны отправителя диалогической реплики.

Диалогический дискурс выстраивается в коммуникации не для того, чтобы обозначить определенную референтную ситуацию. Но высказывание диалогического дискурса соотносится с определенной референтной ситуацией для того, чтобы реципиент диалогической реплики, осознающий данную референтную ситуацию, получил возможность сформировать в своей коммуникативной деятельности смысл, скоординированный со смыслом, замещенным данным высказыванием (в том числе путем соотношения высказывания с референтной ситуацией через область лексических и грамматических значений) со стороны отправителя диалогической реплики.

Диалогический дискурс выстраивается в коммуникации не для того, чтобы содержать (выражать) некоторую пропозицию. Но высказывание диалогического дискурса выстраивается как знаковый заместитель некоторой пропозиции для того, чтобы адресат диалогической реплики, владеющий способностью к формированию пропозиций, получил возможность сформировать в своей коммуникативной деятельности по пониманию данной реплики смысл, скоординированный со смыслом, замещенным данным

высказыванием (в том числе путем соотнесения высказывания с определенной пропозицией) в коммуникативной деятельности говорящего — отправителя сообщения.

Аналогичным образом можно утверждать, что диалогический дискурс выстраивается в коммуникации не для того, чтобы обозначать элементы ситуации общения. Но высказывание диалогического дискурса выстраивается как знаковый заместитель некоторых элементов ситуации общения для того, чтобы предполагаемый реципиент диалогической реплики, владеющий способностью к идентификации элементов ситуации общения, получил возможность сформировать в своей коммуникативной деятельности по пониманию данной реплики смысл, скоординированный со смыслом, замещенным данным высказыванием (в том числе путем соотнесения высказывания с определенными элементами ситуации общения) в коммуникативной деятельности говорящего — отправителя сообщения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин, М. М. (1979) Эстетика словесного творчества. М. : Искусство.
- Гумбольдт, В. фон. (1984) Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс.
- Дашкова, П. (2007) Источник счастья : роман / Полина Дашкова. М. : Астрель : АСТ.
- Кравченко, А. В. (2004) Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск : Изд-во Иркутск. гос. ун-та.
- Леонтьев, А. А. (1999) Психология общения. М. : Смысл.
- Менг, К. (1983) Семантические проблемы лингвистического исследования коммуникации // Психолингвистические проблемы семантики. М. : Наука.
- Незнанский, Ф. (1998) Ярмарка в Сокольниках. М. : Олимп.
- Новиков, А. И. (1983) Семантика текста и ее формализация. М. : Наука.
- Сидоров, Е. В. (2007) Онтология дискурса. М. : АКИ.
- Тарасов, Е. Ф. (2005) Производство речи: большая программа // Язык. Сознание. Культура : сб. ст. М. ; Калуга.
- Bennett, M. (1979) Demonstratives and indexicals in Montague grammar // Synthese. № 39.
- Perry, J. (1993) The problem of the essential indexical. — New York, etc.: Oxford University Press.
- Sgall, P. (1990) Towards a pragmatically based theory of meaning // J. R. Searle, F. Kiefer, M. Bierwisch (ed.). Speech act theory and pragmatics. Dordrecht, etc. : Reidel.

Новые книги

Трансформации культуры в глобальном информационном обществе : сб. науч. статей / отв. ред. А. В. Костина. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. — 494 с.

Высшее образование для XXI века : V международная научная конференция. Москва, 13–15 ноября 2008 г. : доклады и материалы [Текст] / под общ. ред. И. М. Ильинского ; науч. ред. Вал. А. Луков ; сост. Вл. А. Луков, Э. Ш. Камалдинова, Н. В. Захаров. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — 319 с.